

**В вихре
времён**

Вячеслав СИЗОВ

МЫ ИЗ БРЕСТА

Бессмертный гарнизон

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С34

В оформлении переплета использована
иллюстрация художника *П. Ильина*

Сизов, Вячеслав Николаевич.

С34 Мы из Бреста. Бессмертный гарнизон / Вячеслав Сизов. — Москва : Эксмо : Яуза, 2017. — 448 с. — (В вихре времен).

ISBN 978-5-699-94587-0

Он заброшен в 1941 год, оказавшись в Брестской крепости накануне Великой Отечественной войны. У него всего 20 дней, чтобы изменить ход истории.

Сможет ли полковник Российской армии за три недели, оставшиеся до нападения Гитлера на СССР, подготовить красноармейцев по программе десантно-штурмовых подразделений будущего? Устоит ли эта «штурмовая панцирная пехота», облаченная в бронежилеты, вооруженная автоматами и бесшумными снайперскими винтовками с приборами Брамит, в ближнем бою против ветеранов Вермахта? Удастся ли нашему современнику прорвать блокаду Брестской крепости и спасти «бессмертный гарнизон»?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Сизов В. Н., 2017
© ООО «Издательство «Яуза», 2017
ISBN 978-5-699-94587-0 © ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Миф — это то, чего никогда не было и никогда не будет, но что всегда есть.

Саллюстий, IV в. н.э.

ПРОЛОГ

Мы отступаем... Вот уже несколько дней как остатки сводной группы, где я командую батальоном, отступают по дорогам Смоленщины... Пыль лежит на всем: на спинах бойцов и командиров, вещмешках и оружии. Пыль везде. Даже во рту скрипит песком... Кругом война, и ее следы видны на каждом шагу. Вот и сейчас мы идем рядом с шоссе мимо разбомбленной колонны — стоят разбитые и обгоревшие остовы боевой техники, «ЗиСов» и «ГАЗов», брошенные повозки, тяжелые орудия и трактора, лежат трупы людей и животных. Наученные горьким опытом первого месяца войны, мы стараемся держаться деревьев, по возможности скрываясь от авиации противника. Я иду впереди колонны своего батальона, точнее его остатков — нас всего около ста человек, хотя еще пару дней назад было в три раза больше. Всех тех, кому удалось вырваться из окружения, плена и уцелеть в боях. Впереди идет авангард из бойцов 1-го батальона, которому в последнем бою, позавчера, досталось больше, чем нам. От него осталось чуть больше 70 человек — меньше роты. Именно тогда, после гибели в течение дня почти всех командиров и политработников сводной группы, собранной из «окруженцев» и маршевого пополнения, я вновь стал комбатом.

Итак, я — Евстафьев Вячеслав Николаевич, 48 лет от роду, уроженец славного города из Черноземья. Родился в семье профессиональных военных, пошел по стопам предков и отдал Родине почти всю свою сознательную жизнь, служа в ее вооруженных и специальных силах. Участник боевых действий в ряде конфликтов на просторах бывшего СССР и его ближайших соседей, кавалер десятка медалей. Готовился в скором времени стать пенсионером. Волею судьбы оказался перенесенным из XXI века в век XX. Точнее, в июнь 1941 года...

ГЛАВА 1

Первые шаги

Как я тут оказался? Это сложно объяснить с точки зрения науки. Да и не силен я в тех областях науки, которых не касался. Может быть, когда-нибудь кто-то найдет объяснение. Но не я, знаний не хватает. Да и некогда заниматься научными изысканиями.

Все произошло внезапно. Побеседовав с начальством на повышенных тонах, я спустился к стоявшей во дворе автомашине. Немного поговорив со скучающим у ворот дневальным, сел к себе в машину и задумался о прошедшем дне. Голова саднила в затылке и висках, потянулся к бардачку за таблетками. Накатило. Понял, что не успеваю... Боль всеобъемлющая в районе затылка и висков. Нарастающая боль в районе груди все больше захватывала меня... Страх, что не успел попрощаться с женой и дочкой, недоделал кучу дел... Темнота... Дневальный, подошедший к моей машине и бегущий обратно в здание. Чей-то возбужденный разговор, врачи и сослуживцы, вытаскивающие меня из салона... Темнота...

Из оперативной сводки по городу

«...Сегодня в 15.20 из... в состоянии комы в горбольницу № 2 доставлен... Через 1 час 10 мин, не приходя в сознание, скончался. По сообщению лечащих врачей смерть наступила в результате сердечной недостаточности. Отделом внутренних дел № 1 проводится проверка...»

...Очнулся я от боли. Болело все тело, но особенно бок справа, и просто на части раскалывалась голова. Не открывая глаз, полежал еще немного. Слышались щебет птиц

и шум ветра в листве, тихий недалекий плеск воды. Легкий, теплый ветерок мягко обдувал тело. Ощущение было такое, как будто я у бабушки на Волге, лежу в роще и мне нет дела до других. И я — маленький. И скоро придет отец звать на рыбалку, кататься на лодке по великой реке...

— Товарищ лейтенант! Володя! Товарищ лейтенант! Очнитесь!... — Кто-то, тормоша меня за плечо, кричал в уши. Интересно, какого Володю приводят в чувство? Зачем меня трясут? Больно же! Не открывая глаз, я попытался освободиться от чужих рук. С трудом, но у меня получилось поднять от земли руку.

— Володя! Вы меня слышите? — спрашивал тот же женский, мягкий и приятный голос.

— Слышу, — тихим шепотом ответил я. Губы и язык отказывались меня слушаться. Голос был чужой и непривычный. Словно и не я это говорил. Вообще тело какое-то непривычное и деревянное, не подчиняющееся командам и явно не мое...

Снова накатило. Я словно оглох и поплыл по волнам...

Когда отпустило и я открыл глаза, увидел, что лежу на берегу реки у каких-то кустов. Вообще, где это я? Я же должен быть в салоне машины, а тут как минимум лесополоса. Да и погода совершенно не соответствует. В машину садился посреди октября, а сейчас явно лето. Если судить по тени деревьев, то сейчас вторая половина дня. Если это шутка, то совсем неудачная. Я все хорошо помню, что со мной происходило! И боль в груди и затылке. Беготню вокруг меня... Что происходит? Где я? Как я здесь очутился?.. Вопросов больше, чем ответов...

Если глюки, то, видно, серьезно прихватило и мое воображение играет со мной непонятную игру. Слишком все реально — и погода, и кусты, и деревья вокруг, и боль в боку и голове. По идее, у меня был инфаркт или инсульт, во всяком случае, к этому все шло давно и привычно. Если рассуждать логически, похоже, я ушел на «Дальние дороги». Но обстановка вокруг как-то не напоминала ни рай, ни ад в их каноническом исполнении. Нет, я, конечно, помню о визитной карточке. В свое время научили серьезно относиться к анекдотам — слишком в них много оказалось правды... Но все же, неужели врал? Эх, Бога на них нет!!!

Если это сон, то слишком реальный. Таких не бывает.

Если шутка, то интересно знать бы, чья? В шутку как-то не особенно верится. Да и некому так шутить. Такое

могло прокатить на «срочке», когда ночью выносили вместе с койкой на улицу и оставляли спать посреди плаца. Но уже более 20 лет нет тех, кто мог так пошутить. Да и я не тот пацан, каким был в 18 лет. Скорее всего, это не шутка. Тут что-то еще...

Из вариантов напрашивался только один — перенос. Это вообще-то фантастикой пахнет, и не слабой! Я, конечно, любитель фантастики, но не до такой же степени... Неужели перенесся? Интересная тема!!! Хорошо, примем за данность, что действительно состоялся перенос сознания в другое тело. Тогда возникает вопрос — куда? Зачем и кому это надо? Если я перенесся по времени и пространству, то на вопрос «где и кто я?» нужно ответить как можно быстрее. Голову особо поднять не получается — очень сильно болит тело и голова (слева в районе виска и затылка). Такое ощущение, что били долго и со знанием дела. То, что тело не мое, я уже понял. Оно принадлежало явно молодому человеку. Худощавому и достаточно «накачанному» — таким я был лет до тридцати. Значит, точно перенесся... Ну, что ж, Новый Мир, принимай очередного переселенца... Точнее сказать, его психоматрицу. Я точно помню все, что со мной происходило в моем времени, но ничего не знаю о том, в чье тело и куда я попал.

На часть вопросов смогут дать ответ девушки, что сейчас колготятся вокруг моего тела. Разгоряченные, симпатичные, невысокие и загорелые. Лет восемнадцати. Фигуристые. С приятными выпуклостями в нужных местах. Купальники, правда, у них закрытые. Черные. Строгие. У нас такие уже давно никто не носит. Я их только в кинохронике и на старых фото видел. Славянки, с правильными чертами лица и русыми волосами, торчащими из-под купальных шапочек. Глаза серые, большие, с какой-то печалью. Только вот я их почему-то совершенно не слышу. Хорошо, что хоть вижу.

Девушки продолжали что-то спрашивать и требовать от меня. Тут подняться сил нет, а ответить вообще сложно. Язык словно не живой. Одна из девушек, сняв с головы шапочку, куда-то убежала. Но скоро вернулась с шапочкой, полной воды, и вылила мне на голову. Не скажу, что мне было неприятно. Наоборот, стало вдруг так хорошо... Что вернулся слух.

— Володя! — раздался у меня в ушах тот же требовательный женский голос. — Вы меня слышите?

Опять спрашивают какого-то Володю. Кстати, на нормальном русском языке. Спрашивают явно меня. Раз так, то надо отвечать.

— Слышу.

— Наконец-то. Мы тут за вас переживали, — продолжил голос. — Лежите, словно мертвый. Не отвечаете. Думали, что вас убили.

— Слухи о моей смерти преувеличены. Если вы мне поможете встать, то будет просто отлично.

Нежные, заботливые и в то же время сильные женские руки помогли мне подняться с песка. Оперевшись на девушек, я попробовал сделать шаг, затем еще. Тело с трудом, но перемещалось в пространстве. Ноги гнулись, руки тоже. Голова не тряслась.

— Володя! Может, надо милицию и «Скорую помощь» вызвать? — грудным и завораживающим голосом спросила одна из девушек. Самая симпатичная, кстати.

— Не надо. Сейчас посижу, и все пройдет, — ответил я. Милиции мне сейчас только не хватало. Пока не определюсь, кто, что и где я, она не нужна. Девушки с моим телом были в одной компании. Других особей мужского пола я тут не вижу. Так что все сказанное девушками относится ко мне. И это радует. Тело зовут Владимир, и он лейтенант. Хотя знаю теперь, как меня зовут. Еще одна радостная новость была в том, что трусы на мне были. Сатиновые, синие, почти до колен. Давно я такие не носил. Лет сорок. Двигаться и самостоятельно сидеть было еще трудно, и девушки прислонили меня спиной к дереву.

Мы были на небольшом песчаном пляже, окруженном с трех сторон деревьями и кустарником, а со стороны реки — редкими ивами. Неширокая река медленно катила свои воды. На противоположной стороне виднелся сосновый лес. Вдоль берега реки шла узкая тропинка. По железнодорожному мосту, который виднелся метрах в пятистах справа от меня, как раз в это время проходил поезд с паровозом во главе.

Ярко светило солнце, и небо было нежно-голубым. Неподалеку на песке лежало покрывало, две раскрытые книги и несколько стопок одежды. В том числе и военной. Тут же, в тени куста, прятались початая бутылка красного вина, граненые стаканы и несколько открытых кулчков из плотной серой бумаги. Все говорило о том, что народ, уединившись на природе, культурно отдыхал. А дальше

что-то произошло, в результате чего тело было без сознания. Знать бы только что? Ну, да бог человеку дал язык, а он, как говорится, до Киева доведет.

— Я долго в отключке был? Ничего не помню! — обратился я к девушкой.

— Нет. Минут пять — десять, — ответила самая симпатичная. — Тебя по голове со спины палкой ударили. Вот ты и упал. Мы с Наташей закричали, и парни убежали. Может, все же надо обратиться в милицию и больницу? А?

— Не надо. Я ничего не помню, что тут произошло, и что я им скажу?

Девушки наперебой стали мне рассказывать о происшедшем.

Из разговора выяснилось, что я (мое тело) закончил обучение в военном училище и вчера на танцах познакомился с девушками, Ирой и Наташей. Я пригласил их в последний день своего пребывания в городе искупаться и отметить окончание учебы. Поезд у меня вечером, и девушки собирались меня проводить. Пару часов назад, встретив девушек, я привел их сюда. Мы с Ирой купались, когда из леса вышли трое пьяных парней. Они стали приставать к сидевшей на берегу Наташе. Девушка стала звать на помощь. Я бросился к Наташе. Завязалась драка с парнями. В результате которой на поле боя остался я один. Лежащим на земле. Парни испугались и убежали. Им тоже досталось. Ирина это утверждала как студент-медик. У одного как минимум вывих руки, у остальных «видимо» сломаны ребра.

Хорошо тут народ живет. Весело. Пока беседовали, мне стало лучше.

Погода была как по заказу. Теплая и солнечная. Легкий ветерок шуршал в листве, чирикали что-то на своем языке птицы. В лесу стучал дятел. Благодать. Только и наслаждаться жизнью. Вот я и предложил отдыхать и не обращать внимания на неприятности жизни. Тем более что пиратов, желающих похитить прекрасных дам, на горизонте не было видно, а вино искрится в бутылке. Настроение у девушек хоть и было испорчено произошедшим, тем не менее они со мной согласились и пошли купаться. Ирина с сочувствием и тревогой все оглядывалась на меня. Я лишь улыбался в ответ и несколько раз успокоительно помахал рукой.

В книгах у переселенца остается часть памяти донора, а у меня этого не произошло. А раз так, то нужно собирать информацию. Пока девушки купаются, почему бы не заняться изучением того, что под рукой. Хотя бы формы. Аккуратно поднявшись с песка, подошел к трем аккуратно сложенным стопкам вещей. Две принадлежали прекрасной половине человечества и одна мужской, она меня и интересовала.

Ничего необычного в ней не было. Белая майка-«алкоголичка» и комплект советской летней походной военной формы командного состава довоенного периода — хромовые сапоги, темно-синие галифе и командирская гимнастерка с выпушкой по воротнику и пехотными петлицами на воротнике. В петлицах рубиново блестели два кубика, а на рукавах — по узкому угольнику красного цвета с золотой отделкой. Пилотка с кантом и красной звездой. Форма новенькая, практически не ношенная. Аккуратно выглаженная и со свежим подворотничком. Такие же новенькие портупея со звездой и кожаная кобура, удерживавшая в себе, похоже, револьвер «наган», нашлись в сапоге. Здесь же лежали механические наручные часы «завод им. Кирова» на черном кожаном ремешке, показывавшие три часа пополудни.

В карманах гимнастерки нашлись документы, выданные Тамбовским Краснознаменным военно-пехотным училищем имени Ашенбреннера и Уншлихта на имя лейтенанта Седова Владимира Николаевича, 1921 г. р. Ему, для дальнейшего прохождения военной службы, предписывалось 18 июня 1941 г. прибыть в распоряжение УК Западного Особого военного округа. Дата выписки предписания 31 мая 1941 г. Денежный, вещевой и продовольственные аттестаты. Комсомольский билет. Наличные деньги в кожаном портмоне около одной тысячи рублей (купюрами по 3, 5 рублей и 10 червонцев). Накладная камеры хранения железнодорожного вокзала ст. Тамбов от 31 мая о принятии трех мест ручной клади. Билет в купейный (спальный) вагон от ст. Тамбов до ст. Москва на 2 июня 1941 г. В маленьком кармашке у пояса брюк нашелся небольшой ключ. Может быть, удастся найти, от какого замка он.

Сколько вопросов сразу нашло свои ответы. Мне повезло вселиться в тело вояки, такого же, как и я, в прошлой жизни. В этой жизни я почти в привычной для себя

обстановке и положении. По словам девушек, Седов сегодня должен сесть в поезд, выходит, сегодня 2 июня. Через три недели начнется Великая Отечественная война. Проблем с вопросом «Что делать дальше?» не возникало. То, что должен. Зря, что ли, столько лет в армии служил.

Главное, не светиться с незнанием окружающей обстановки, цен, разговорной речи. Для меня сейчас лучше всего молча впитывать информацию об окружающем мире и постепенно вращаться в него. Возврата назад, видимо, не будет.

Тело досталось молодое, крепкое, физически развитое, тренированное. Парень явно был спортсмен. Ехал в войска, чтобы принять взвод в одной из дивизий, формируемых в Западном ОВО. Сейчас таких много — едут к новому месту службы после досрочного окончания обучения. Если мне правильно помнится, то в «ТКУ» готовили по специальности «командир стрелкового или пулеметного взвода». А раз так, то знаний и опыта пары локальных войн и конфликтов конца века для 1941 г. должно хватить. Надеюсь, что навыков командования взводом и ротой, в связи с переносом, не потерял.

Рассказать, где находится училище, могу без проблем. Район, где располагалось училище, особо не изменился. Наставили вокруг многоэтажек, но служебная зона оставалась без больших изменений. Тем не менее стоило посмотреть, какие здания еще не построили. В мое время училища уже не было — оно просуществовало где-то до 1960 г., когда его расформировали. Хотя это было одно из старейших военных учебных заведений страны. Начиналось в XIX веке как Алексеевское пехотное, после революции стало военно-пехотной школой имени Ашенбреннера. Перебазировалось из Москвы в Тамбов. В середине 20-х стало Тамбовским Краснознаменным военно-пехотным училищем имени Ашенбреннера и Уншлихта. В 1941 г. было эвакуировано в Семипалатинск. В 1945 г. получило имя Маршала Советского Союза Б. М. Шапошникова и вернулось в Тамбов. По правде говоря, готовило неплохих пехотных командиров. Одних Героев Советского Союза около 50.

Есть большая вероятность попадания с однокурсниками в одну воинскую часть. Тут уж как повезет, и что в кадрах приготовили. Формируемых частей в Западном

ОВО много, вакансий еще больше. Большинство однокурсников Седова погибнет в первые месяцы войны. Но тем не менее такая проблема остается и вероятность встречи исключать нельзя. Придется включить «дурку». Было бы неплохо еще один день побыть в городе для адаптации в данной реальности. Вжиться в тело. Пройтись по городу, посмотреть то, что видел только на старых фото, освежить память. Но судьба за меня все решила — предоставив билет на поезд. Может, оно и к лучшему, что сегодня я его покину. Меньше проблем со знакомыми и однокурсниками Седова.

Следующая проблема. Что я знаю о жизни своего визави? Абсолютно ничего. Хорошо, что автобиографию мне придется писать года через четыре, не раньше. Так что возможно, удастся узнать что-нибудь. Если с делом ознакомлюсь. Но сослуживцы будут расспрашивать о жизни, а что говорить, не знаю. Личное дело прибывшего командир изучать будет. Вдруг возникнут вопросы, а я буду молчать, как рыба об лед. Ляпну что не так, а кто-то особисту стукнет. Девушки вряд ли смогут помочь. Откуда они могут знать. Кстати, а личное дело у Седова было с собой или его выслали из училища фельдпочтой? Командирской сумки, где можно было бы его хранить, среди вещей не наблюдалось. Вообще-то было бы странным, если бы командир его с собой носил на пляж. Может быть, она в поклаже, сданной в багаж? Вот это был бы классный роуль в кустах.

Долго одному мне побыть не пришлось. Девушки, накупавшись, вышли из воды. Сняв шапочки и обтираясь полотенцами, они стояли передо мной. Молодые, что называется кровь с молоком, раскрасневшиеся, с каплями воды на загорелом теле, освещенные лучами солнечного света, они были прекрасны.

Ирина мне нравилась больше Наташи. Она и не могла не понравиться. От девушки так и пахло чистотой и русским духом. Особенно впечатляла ее улыбка, собранные без особых изысков в тугую косу волосы. Двигалась она, на мой взгляд, очень даже грациозно.

— Володя, вы тут не скучали без нас? — спросила Наташа. — Как себя чувствуете?

— Очень соскучился, — ответил я. — Чувствую себя вполне прилично. Особенно рядом с такими обаятельными и привлекательными нимфами из сказок.

— Скажете тоже. Нимфы. Вы нас еще русалками или наядами назовите, — продолжила Наташа.

— И назову. Вы так прекрасны и восхитительны, что у меня просто нет слов. Одни мысли, которые по убогости и косности речи высказать не могу.

— Ну, тогда разливайте вино и приглашайте дам к столу. А то мы есть хотим, — скомандовала она. Ирина стояла рядом с ней и смущенно улыбалась.

— С большим удовольствием, — ответил я, разливая вино по стаканам. Вино оказалось вполне приличное — «Хванчкара». Кроме открытой, в воде охлаждалось еще одна.

Закуски было много. Пусть она была непритязательна на искушенный взгляд. Вареная картошка в мундире, зеленый лук, квашеная капуста, моченые яблоки и копченая колбаса. Буханка черного хлеба с одуряющим, почти забытым запахом. Один только вид нарезанного и разложенного просто требовал срочного употребления всего, что лежало на импровизированном столе. От запахов кружилась голова.

Кружилась она и от присутствия рядом действительно красивых и обворожительных девушек.

Мы пили вино и разговаривали. Говорили больше девушки, я же слушал и иногда поддакивал. А когда вино закончилось и все наелись, пошли купаться. Вода была чистой, прохладной и нежно обволакивала, успокаивала, окутывала, очищала и охлаждала разгоряченные на солнце тела.

Рано или поздно всему приходит конец. День клонился к вечеру. Вот и нам пришло время собираться. Лично мне уходить не хотелось. Но надо, не сидеть же здесь вечно. Часы показывали шесть, и мне пора было выдвигаться на вокзал.

Дорога в город шла по тропинке вдоль железнодорожной насыпи.

Город мало изменился с того времени, во всяком случае та его часть, что стояла около берега реки, — те же деревянные домики и сады вокруг них. Все было знакомо и узнаваемо. Разговаривая и дурачась, мы направились в сторону станции. Она жила своей жизнью — грузились и разгружались у складов грузовики, переговаривались грузчики, а у ворот стояли вохровцы. За забором виднелось окруженное невысокими деревьями желтое здание

ДК. Рядом с ним стояли двухэтажные деревянные бараки для семейных железнодорожников.

Все чаще стали попадаться военные, спешащие к своим семьям и пахнувшие казармой, ваксой и одеколонами «Шипр» и «Тройной».

Около одного из домов Наташа с нами попрощалась. Пристально смотря мне в глаза, она попросила обязательно проводить Иру до дома. Естественно, я обещал. Тем более что она жила недалеко от железнодорожного вокзала. Да и времени до поезда еще оставалось.

Куда и как идти, искать было не нужно. Сколько раз было хожено по этому маршруту. В мое время эта часть города была плотно застроена частным сектором. Здесь и сейчас территория была в основном свободна и заросла деревьями. Приток реки Цны еще не пересох, и его воды вольготно бежали среди зарослей Ахлебиновской рощи и прилегающих территорий.

...На путях пыхтело несколько маневровых паровозов, толкая по рельсам вагоны. Все станционные и заводские пути были заняты эшелонами, некоторые из них охраняли вохровцы...

Наш путь был недолог, и мы вскоре оказались на Железнодорожной улице. Одноэтажные деревянные и редкие двухэтажные каменные здания за невысокими заборами составляли ее. Около двухэтажных домов на лавочках сидели старушки, обсуждавшие какие-то свои темы. Редкие прохожие спешили по своим делам, совсем не обращая на нас внимания. На поле, между улицами Кронштадтской и Комсомольской, с упоением гоняли мяч раздетые по пояс пацаны. Вокруг, в тени лип и берез, стояли и сидели многочисленные разновозрастные зрители, весело покрикивая, комментируя и поддерживая игроков. Пройдя мимо десятка домов, Ира показала мне небольшой деревянный дом с застекленной верандой под шиферной крышей — «Вот здесь я и живу. Зайдем?»

— В другой раз. Боюсь, что на поезд опоздаю.

— Ну, нет так нет, — ответила Ирина. И мы пошли дальше в сторону Привокзальной площади. Когда до площади оставалось несколько десятков шагов, девушка внезапно остановилась и сказала: «Жаль, что ты сегодня уезжаешь. Может быть, останешься? Я тебя с родителями познакомлю. У тебя же еще есть время до прибытия в часть?»